Париж. День второй: Сен-Дени

Когда-то там, давным-давно, странствующий монах Дионисий (еще не святой) с двумя соратниками пришел в эти земли обращать язычников-галлов в христианство. И весьма в этом преуспел, даже стал первым епископом Лютеции. Как-то случайно на горе Монтмартр на них напали разбойники, всех убили, Дионисию, в частности, отрубили голову (возможна и другая версия: язычники заточили их в тюрьму и затем казнили на Монмартре – горе мучеников). Дионисий поднял свою голову и пошел дальше. Пришел в местечко, которое теперь носит его имя, и только тут умер. И все поняли, что это – святой, и до сих пор почитается он в земле франков наравне со святой Женевьевой.

С самого начала я мечтала сюда попасть. На вопрос моих спутников: а, собственно, какого черта мы должны тащиться в такую даль, вежливо ответила, что это не обсуждается. *(Клевета! Никогда я таких дурацких вопросов не задавал! У меня в Сен-Дени, вообще, были свои планы, которые, как водится, не осуществились, поскольку их пришлось принести в жертву «общественным интересам»).* Потому что это – и есть самое начало. Начало готики. А чтобы не нужно было «тащиться в такую даль», специально выбрала гостиницу неподалеку – всего две остановки на метро.

Планировалось посетить Сен-Дени, после чего на метро добраться до центра и погулять в старинном квартале на следующий, второй день, в субботу, а воскресенье посвятить Версалю. Но выяснилось, что в воскресенье в церкви, которая завершает запланированный маршрут, даются бесплатные органные концерты. Чтобы не упустить такую возможность, мы решили перенести Версаль на субботу, а город – на воскресенье. Но тут опять не складывалось: базилика Сен-Дени открывается по воскресеньям только в 12 ч, а в остальные дни – с 10. Потерять два утренних часа было жаль. Поэтому в нашем плане появилось такое странное для одного дня сочетание: Сен-Дени – Версаль. А вечер после Версаля я планировала провести на Монмартре, даже заказала столик в кабаре «Прыткий кролик», где исполняют классический шансон… Но об этом – в свое время.

Сейчас Сен-Дени – старое и довольно скучное предместье Парижа (за чертой окружных бульваров), окруженное промышленными районами со стадионом.

Первая церковь на этом месте, над мощами Сен-Дени, построена была по инициативе св. Женевьевы в 475 г. Король Дагоберт I в 629 г. основал здесь бенедиктинский монастырь и перестроил базилику. В отличие от церкви Сен-Жермен-де Пре, построенной почти на век раньше, она имела в плане еще форму «Т», по образцу римских раннехристианских храмов. В 775 г. она вновь была перестроена Карлом

Великим, когда, судя по литературным источникам, приобрела романские черты. К. Верман: «Наконец, почти в готовом виде ранняя готика является перед нами в церкви аббатства Сен-Дени, близ Парижа, западная и восточная части которой сооружены между 1144 и 1173 гг. знаменитым государственным человеком и ученым — аббатом Сугерием (Сюже). Прежде полагали, что готика этого здания — создание Сугерия, из головы которого она вышла, как Минерва из головы Зевса. Однако, несмотря на то, что в настоящее время мы знаем много промежуточных ступеней развития готического стиля, художественно-историческое значение этой церкви нисколько не умаляется». Отсюда следует, что романский корпус в XII в., при Сюжере, оставался прежним. Готическим, собственно, стали главный фасад с нартексом и хор (восточная часть с апсидами).

Каков же был этот человек, объединивший в одной постройке то, что было лишь слегка намечено ранее во многих других? В истории есть множество выдающихся имен, развивавших ту или иную область в плане, если пользоваться биологической терминологией, идиоадаптации, и очень мало тех, кто совершил ароморфоз. Именно к таким можно отнести человека, догадавшегося – впервые в истории, даже если учесть все построенное в древнем мире, - вынести скелет здания наружу, превратив стены в окна.

Происходящий из простонародья, он по воле случая воспитывался в монастыре вместе с будущим королем Людовиком Толстым. Между ними возникла дружба, которую оба пронесли через всю жизнь. Сюже вовсе не был зодчим, как не был и ученым-теологом, как, например, Абеляр, однако, признавал огромную важность образования. Об этом говорит хотя бы тот факт, что именно в его аббатстве, центре средневековой учености, Абеляр нашел приют и все условия для работы после случившийся с ним катастрофы.

Аббатство с самого начала было центром просвещения – здесь переписывали древние тексты, собирали библиотеку, в школе монастыря обучали принцев (здесь-то и познакомился Сюжер с Людовиком). А также венчали на царство, фиксировали государственные акты. Всю свою кипучую энергию Сюжер (1088 – 1122), став аббатом монастыря, направлял не только на достижение его процветания, но и на укрепление королевской власти. Он вообще не разделял эти понятия: служение Франции – королю – аббатству – Богу для него было единым процессом. Будучи человеком мудрым и гибким, лично храбрым, но ненавидевшим насилие и предпочитавшим улаживать споры мирным путем, выполнял различные дипломатические миссии, благодаря которым удалось избежать многих войн и конфликтов с соседями. С другой стороны, политика короля – опора на народ в войне с феодалами, забота о благосостоянии крестьянства, процветании мелких церковных общин – формировалась явно не без влияния Сюжера.

А в аббатстве, придя в 1122 г. к власти, Сюжер быстро навел порядок: прекратил процветающие до него пьянство и разврат, установил жесткую, но разумную, направленную на созидание, дисциплину, мотался по многочисленным разбросанным по разным районам землям монастыря, улаживал споры с работавшим на них местным крестьянством к обоюдной выгоде, всегда был разумен и справедлив. Лишь к одному явлению относился совершенно нетерпимо – к бунтам. Его мудрая политика никогда не приводила к восстанию народных масс, но бунты, спровоцированные недовольными феодалами, подавлял с помощью военной силы (а не божьего промысла) решительно и беспощадно.

Была у него и заветная мечта, благодаря которой он и оставил след в истории – сделать аббатство не только опорой королевской власти, но и самым прекрасным из святых мест мира. Будучи лично человеком весьма скромным, довольствовавшимся минимумом комфорта, он терял всякие представления об экономности, когда речь заходила об украшении собора аббатства. С этой целью он и предпринял уникальную перестройку старой церкви и стал наполнять ее произведениями искусства, выполненными из драгоценных материалов. И как-то хитро это все обосновывал с точки зрения Священного писания: дескать, Господь достоин, чтобы его чествовали всем самым прекрасным, что только могут создать люди, – вот откуда его слава как ученого-теолога. Поэтому «…О северофранцузских металлических художественных изделиях этой эпохи письменные источники повествуют чудеса. Достаточно упомянуть хотя бы о деятельности, развитой по части таких изделий аббатом Сугерием в Сен-Дени, о бронзовых дверях с библейскими изображениями, которыми он украсил свою церковь, о золотых, украшенных рельефами досках, составлявших обложку алтаря, о различных золотых вещах, исполненных по его заказу для ризницы аббатства Сен-Дени». И была у него даже вполне невинная страсть – любоваться накопленными сокровищами. А его честолюбие простерлось до того, что на склоне лет, в день своего юбилея он велел исключительно нарядно украсить базилику, расставив в ней все приобретенное, даже несмотря на то, что ее реконструкция еще не была закончена. Может, его простонародное происхождение сыграло свою роль в его стремлению к роскоши, хотя бы и не для себя лично (впрочем, он настолько слился со своей должностью, что не разделял личные интересы и интересы аббатства). Во всяком случае, такая идеология, возможно, помогла ему примирить французского короля с Папой (до его визита в Рим отношения были более чем натянутыми), но породила массу протестных движений, особенно на юге Франции. А в начале следующего, XIII в., появился его прямой антипод – Франциск Ассизский…

Но вернемся к Собору. Естественно, церковь аббатства Сен-Дени быстро создала школу. «Из церквей, которые, будучи снабжены двумя западными башнями, по всей своей конструкции приближаются к церкви аббатства Сен-Дени, следует отметить в особенности… собор Парижской Богоматери». А дальше… «Роскошный вид в царствование Людовика Святого получила церковь аббатства Сен-Дени (перестроена в 1231 г.), от первоначальной, раннеготической постройки которой уцелели только западный притвор и нижняя часть хора». Вот вам и ранняя готика! Выходит, Нотр-Дам в большей степени сохранил архаичные черты (что, однако, его совершенно не красит), чем тот, который послужил ему образцом. «В новой постройке этой церкви галереи трифориев, благодаря тому что их задние стенки были пробиты и в образовавшиеся отверстия вставлены стекла, впервые слились с окнами; таким образом был сделан последний логический вывод из готической системы, нашедший потом себе применение во многих местностях». Вспомним, что романский корпус аббат Сюжер не перестраивал. Таким образом, сохранилось почти все новое, что он внес – западный фасад, нартекс, хор – и плюс к тому логическая готическая система в XIII в. была распространена и на продольный корпус. Так что впервые мы оказались в настоящем большом храме эпохи зрелой готики.

Итак, перед нами – классика жанра. «До 1140 г. Сугерий строил ее западный фасад с заключенным между двумя башнями притвором, средний, очень расчлененный портал которого еще циркульно-арочный, тогда как арки боковых порталов уже слегка заостренные». Вообще стрельчатая форма в ранних постройках применялась по необходимости – там, где она нужна была для конструкции. В прочих местах – оконных проемах, например, - сохранилась романская полуциркульная арка. Что не помешало богато украсить фасад всяческими расчленениями, колонками и скульптурой. «Встроенное в фасад окно-розетка было первым в своем роде». Именно эта деталь полюбилась, как мы видели, в городах Италии и позволила называть по сути романские храмы готическими. Разумеется, башен было две. Вторая, несохранившаяся, может, как раз сейчас восстанавливается. Но, в отличие от Нотр-Дам, они завершаются логичными для готики шатрами.

А вот знаменитые бронзовые двери, изготовленные по заказу Сюжера:

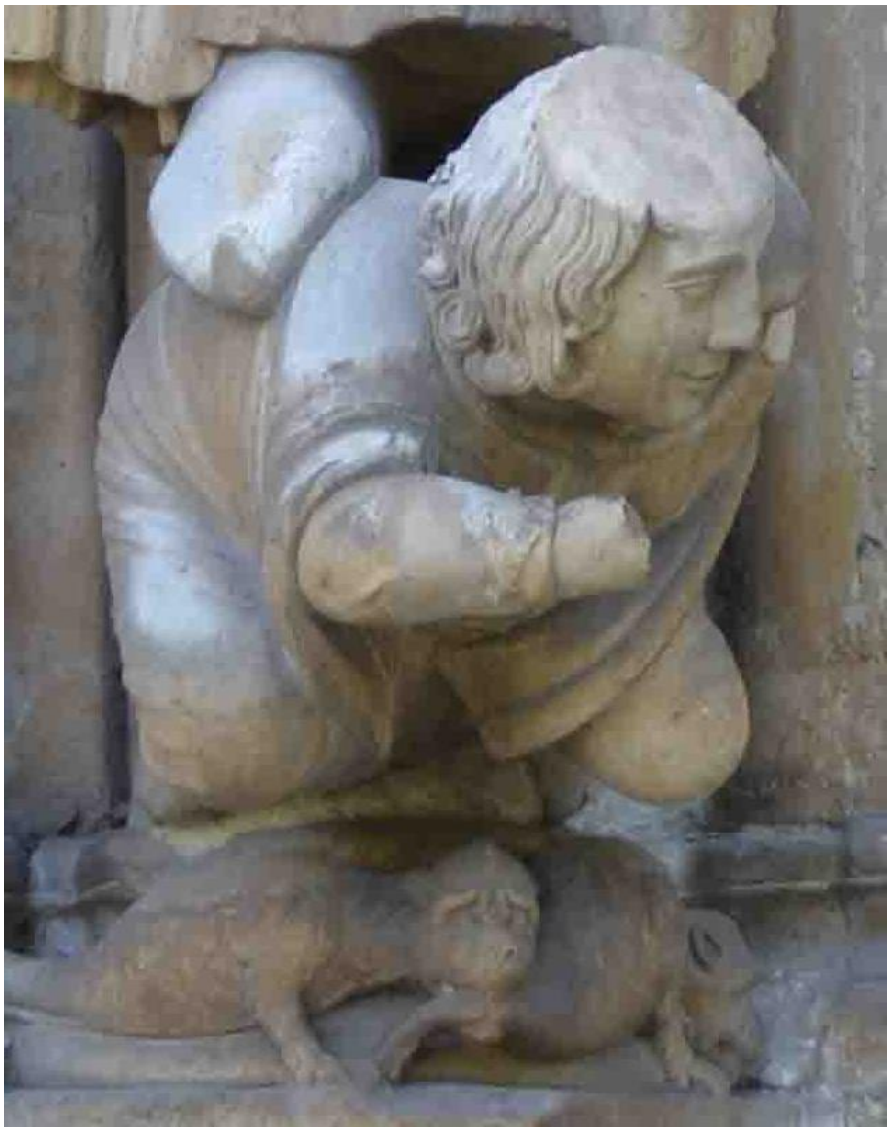
Фигуры изображены еще довольно примитивно, но каков орнамент!

Эти первые порталы еще скупо украшены пластикой: крупных фигур нет, а мелкие выполнены под явным византийским влиянием:

Но какой контраст этот ранний фасад составляет с северным фасадом трансепта, выполненным в следующем, XIII в.! Это и есть зрелая готика – со всеми декоративными элементами и огромной розой!

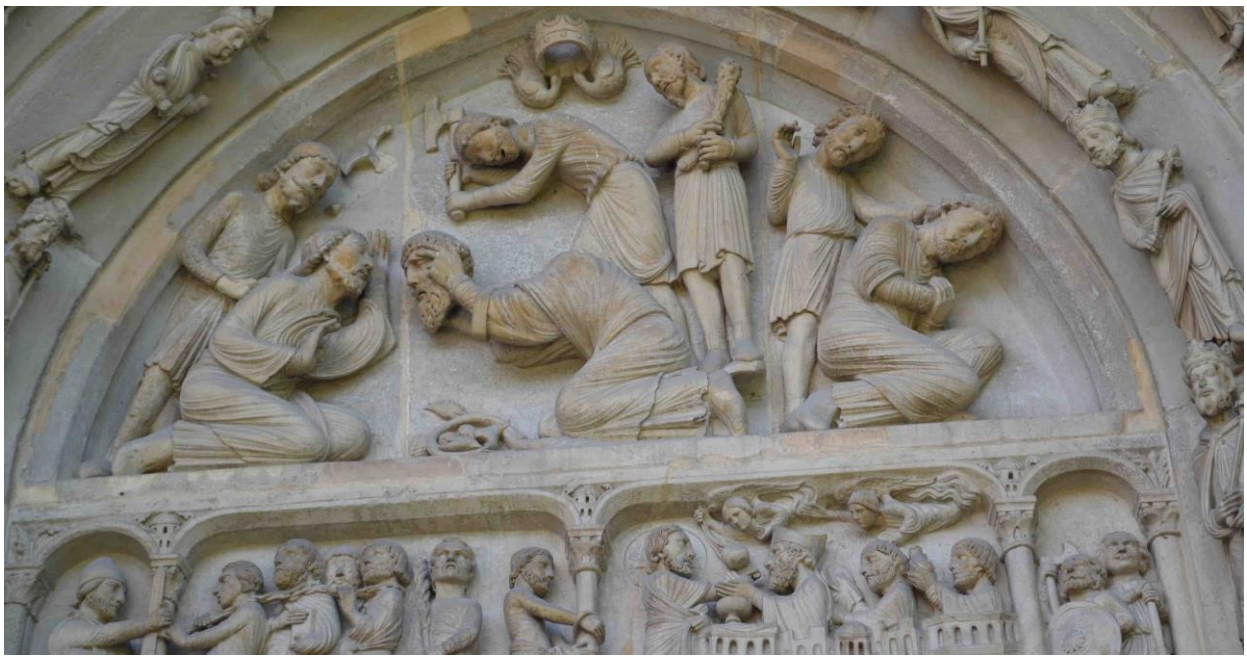
Структура портала с крупными фигурами нам уже знакома по Нотр-Дам и Сен-Шапель. Честно сказать, эти фигуры XII в. разочаровали – скованные позы, сонные лица, почти лишенные индивидуальности…

Между тем подножные фигуры, хотя и не вполне сохранились, однако изображены куда более живо и, несмотря на искусственность позы, естественно:



Зато очаровала мадонна в центре – здесь мастер пренебрег каноном ради правды жизни: она смотрит на ребенка, что вполне естественно для матери, но нигде больше не встречается!

В тимпане изображена сцена убийства (или казни?) Дионисия и соратников.



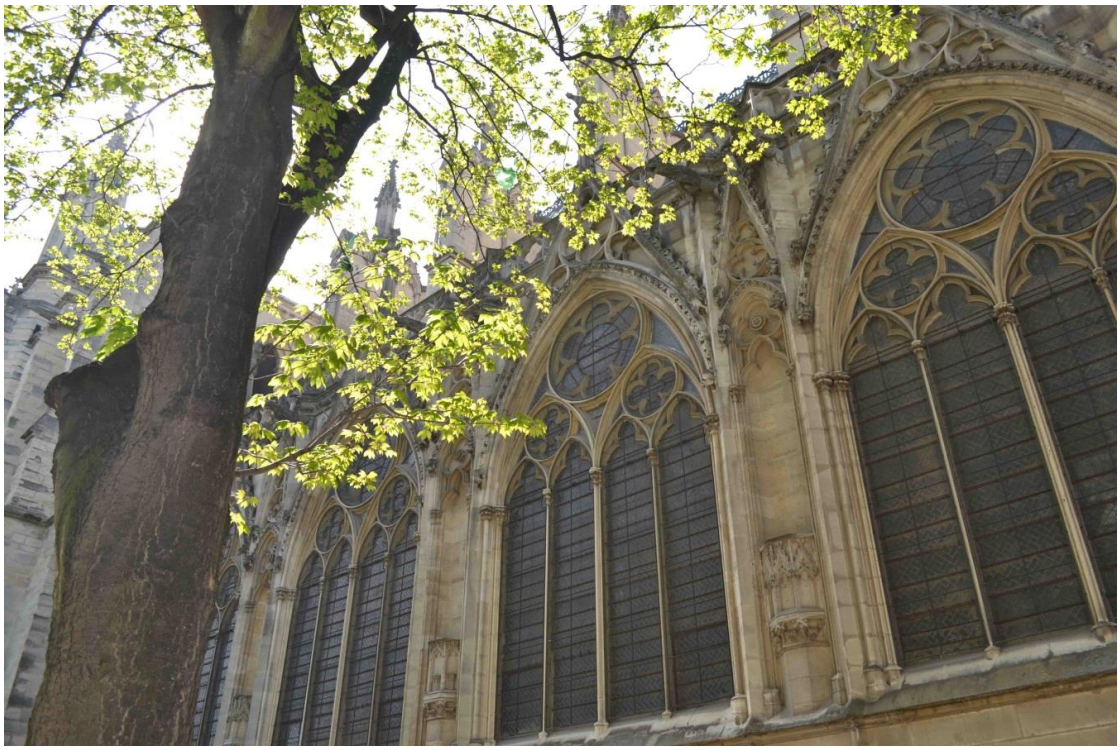
Поражает непропорциональность фигур, возможно, умышленная, символическая: палачи гораздо мельче жертв.

Надо сказать, история этого Дениса – одна из самых диких, какие я только слышал о житиях святых. Вообще-то феномен локомоции живых организмов без головы я лично наблюдал – у нас по кафедре частенько скакали сбежавшие с Малого практикума декапитированные лягушки, а еще я на Украине видел, как резали кур – движение продолжалось довольно энергично и долго, но чтобы так… да еще целеустремленно – там с Монмартра верных километра три топать. Ну, не могло такого быть! Все врут эти попы!

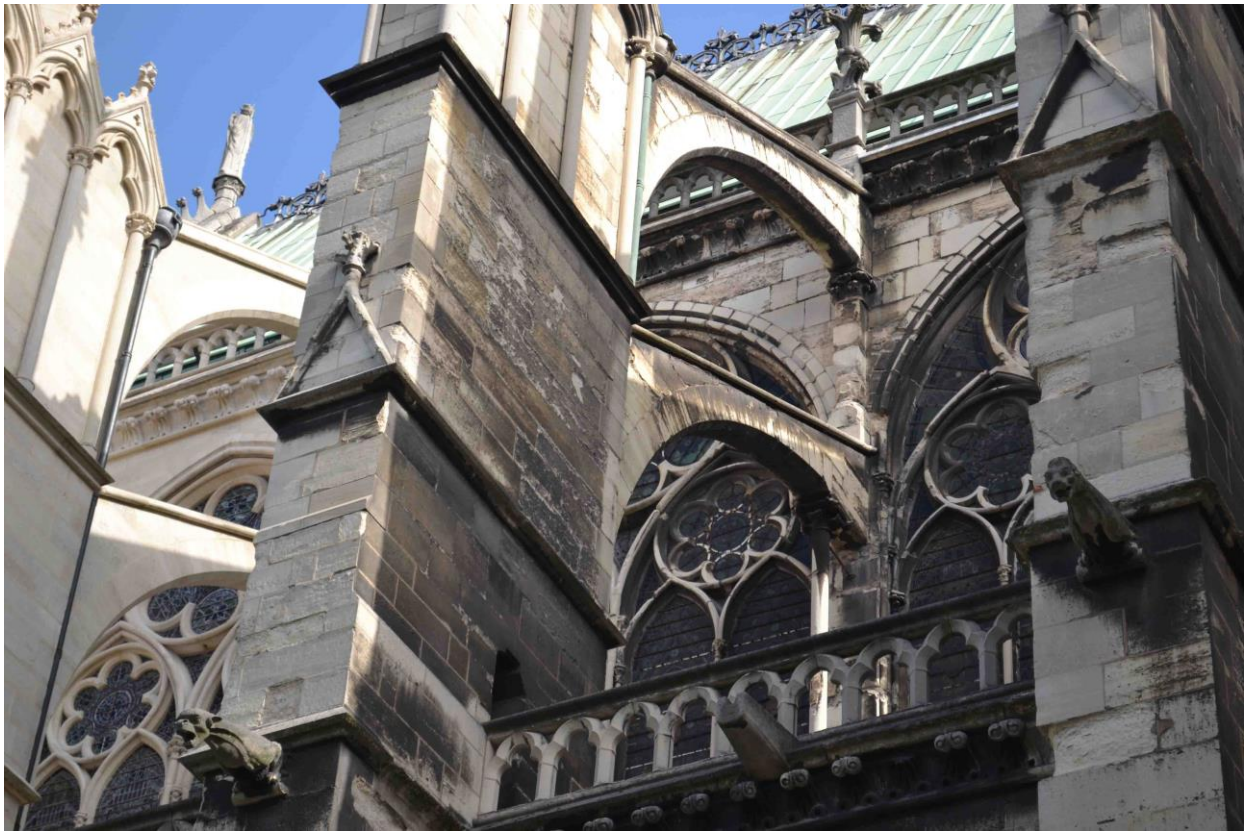
Внутри собора, куда вас вскоре проведет Танька, есть еще целая картинная галерея, иллюстрирующая этот «подвиг» святого. Очень трогательные портретики – святой с головой наперевес следует к намеченной цели, а из ровненького среза шеи такие струйки крови, как из садовой лейки. И кровопотеря-то изображена без знания дела – еще не пришло время Микельанджело, который научился сам и приучил художников изучать анатомию, иначе было бы, как положено: две серьезные струи из сонных артерий, а не это диффузное убожество…

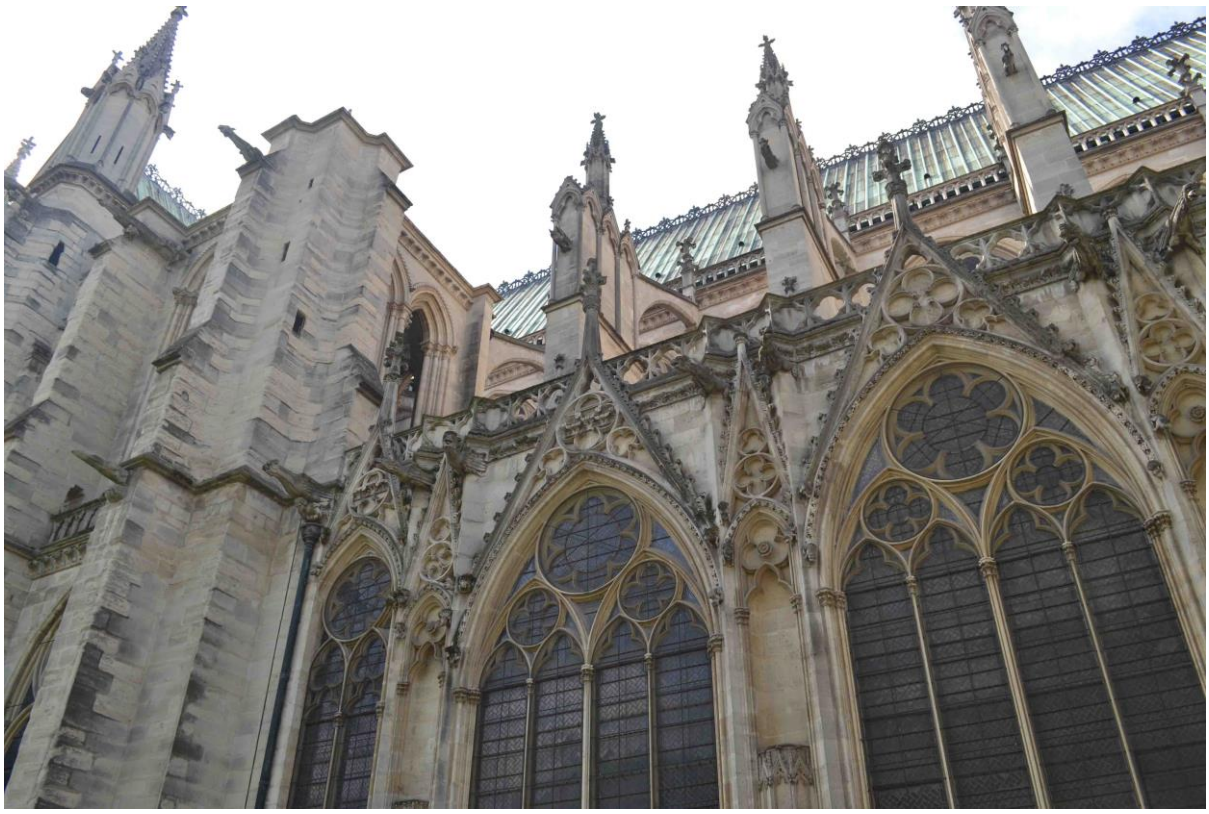
А вот обещанных Верманом короля и королеву, выполненных для несуществующего ныне Корбейльского собора и поставленных, по его словам, в соборе Сен-Дени, мы так и не увидели. А он так восторженно написал об этом мастере XII в.!

Боковые фасады собора, в которых, как и положено, окна заменяют стены, хороши необыкновенно!



Все, что положено иметь готике, здесь имеется, и как же это красиво!

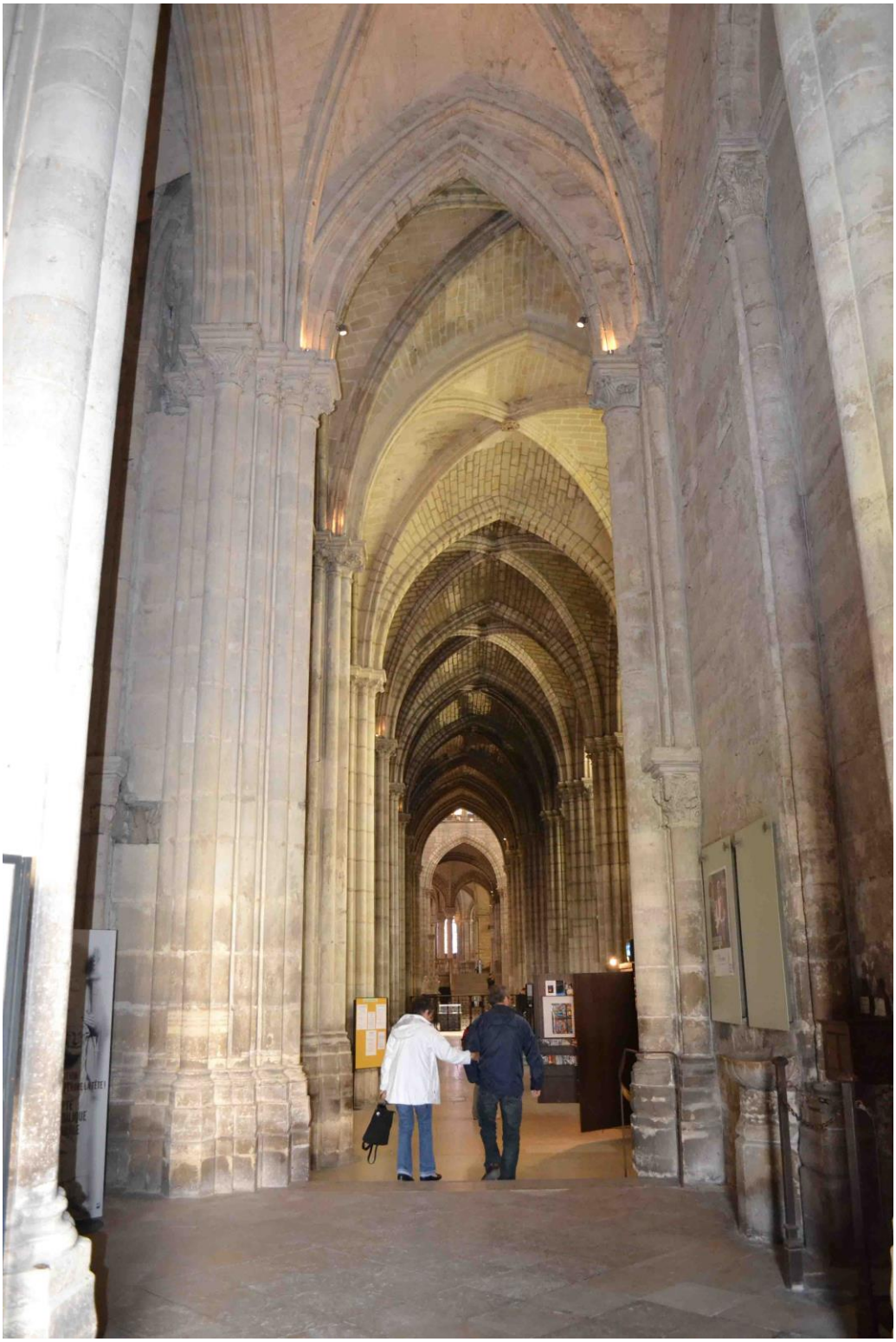


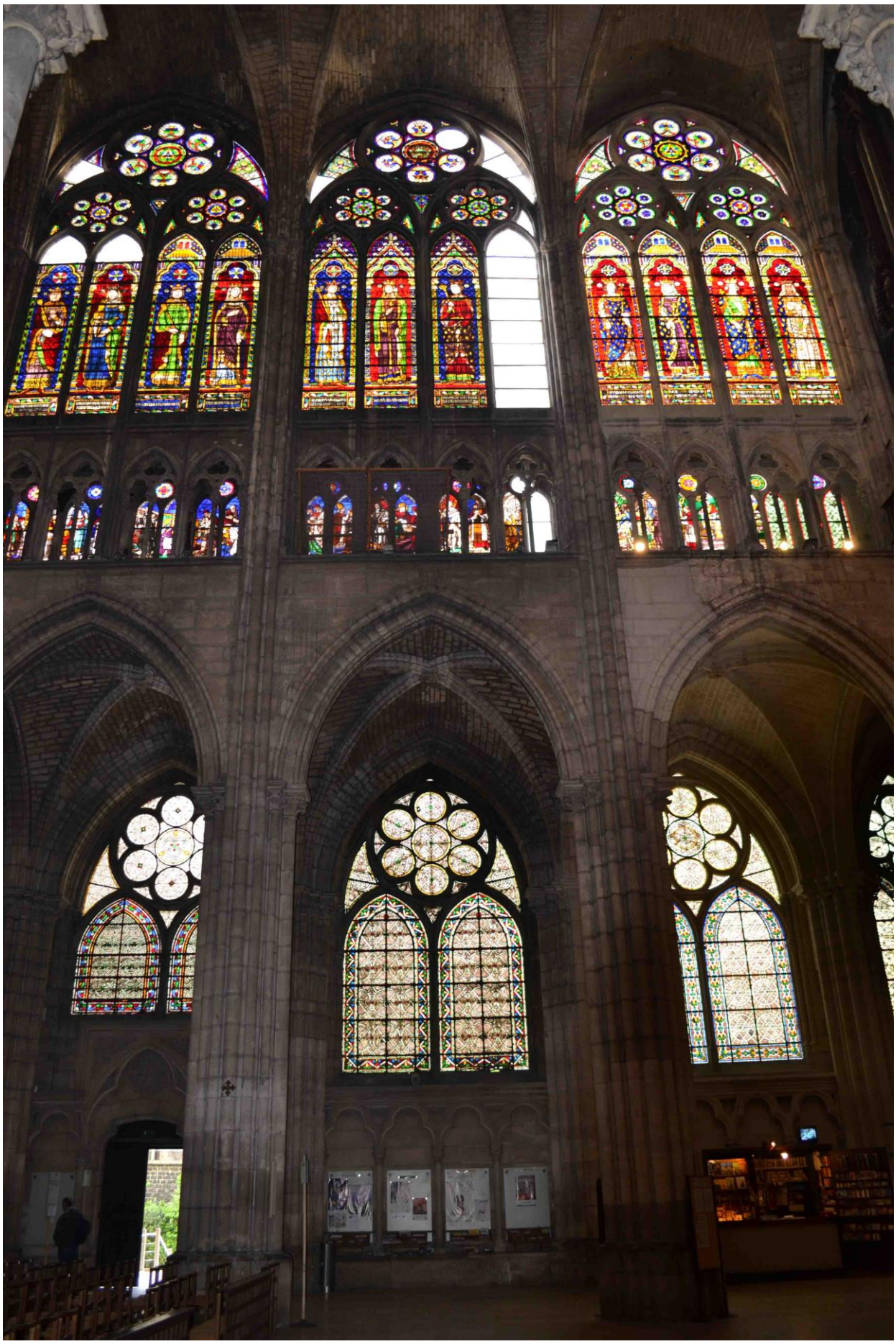


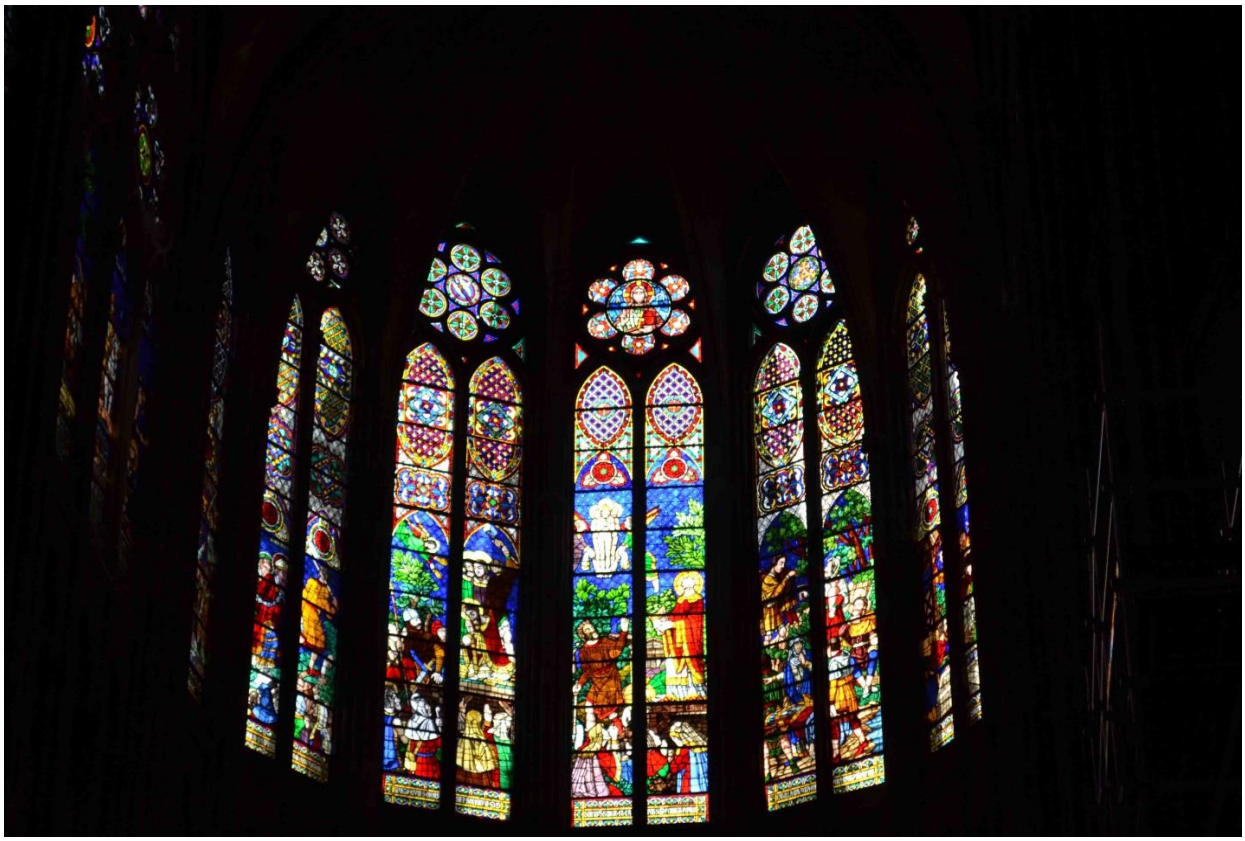
Вот теперь можно и войти.

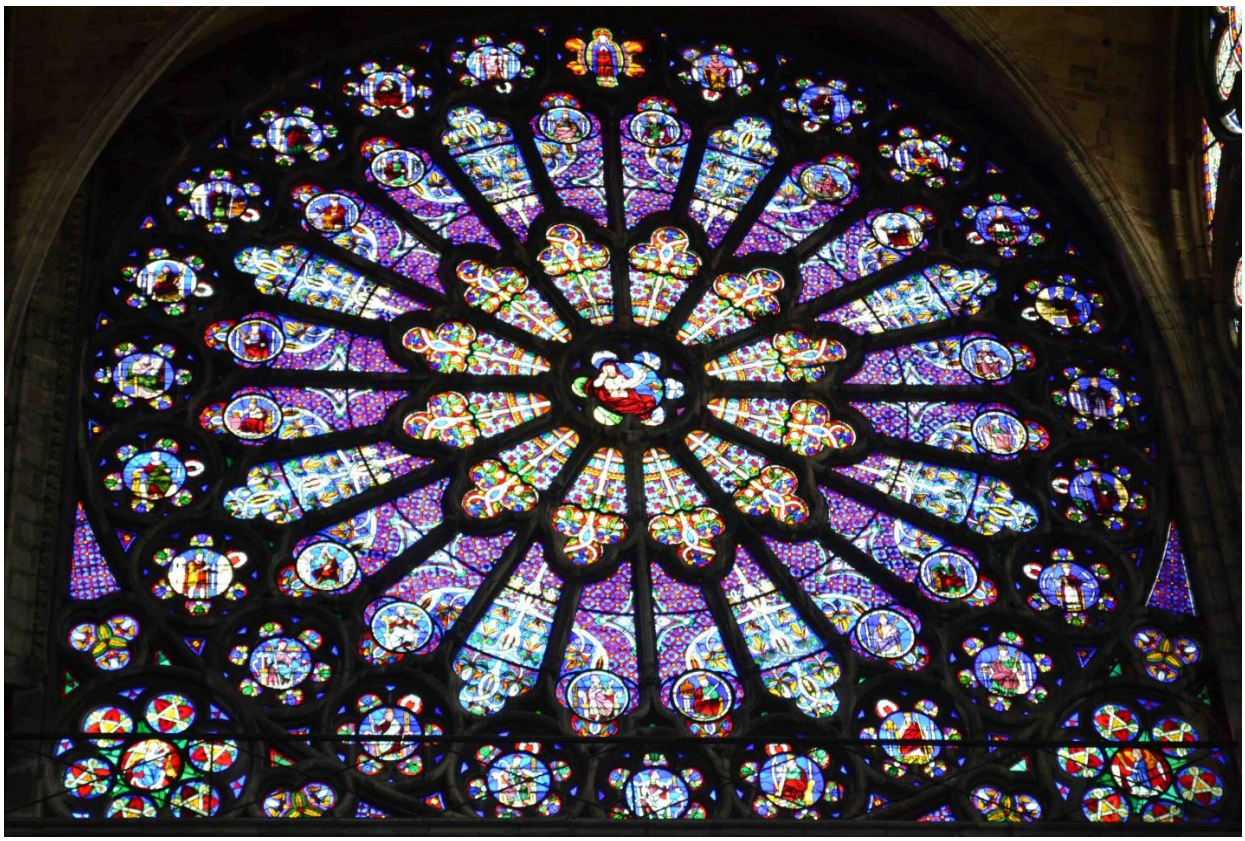
Вот что такое готика: все пространство устремлено к сводам, которые где-то там смыкаются далеко вверху, и залито светом, но не таким ярким и пронзительным, как в раннехристианских церквях (Рим, Равенна), а приглушенным, волшебно мерцающим, полным красок – фотографии не очень хорошо передают это сияние, но поверьте на слово!

Источник цвета – витражи: «Ряд великолепнейших расписных стекол романско-французского стиля был изготовлен в середине XII столетия по заказу аббата Сугерия для его церкви в Сен-Дени; их уцелевшие остатки, например окно с изображением родословного древа Христа (Иессеево окно), теперь снова помещены в этой церкви» Как же красиво это выглядит, особенно в сочетании с изысканной каменной резьбой в верху стрельчатых окон!

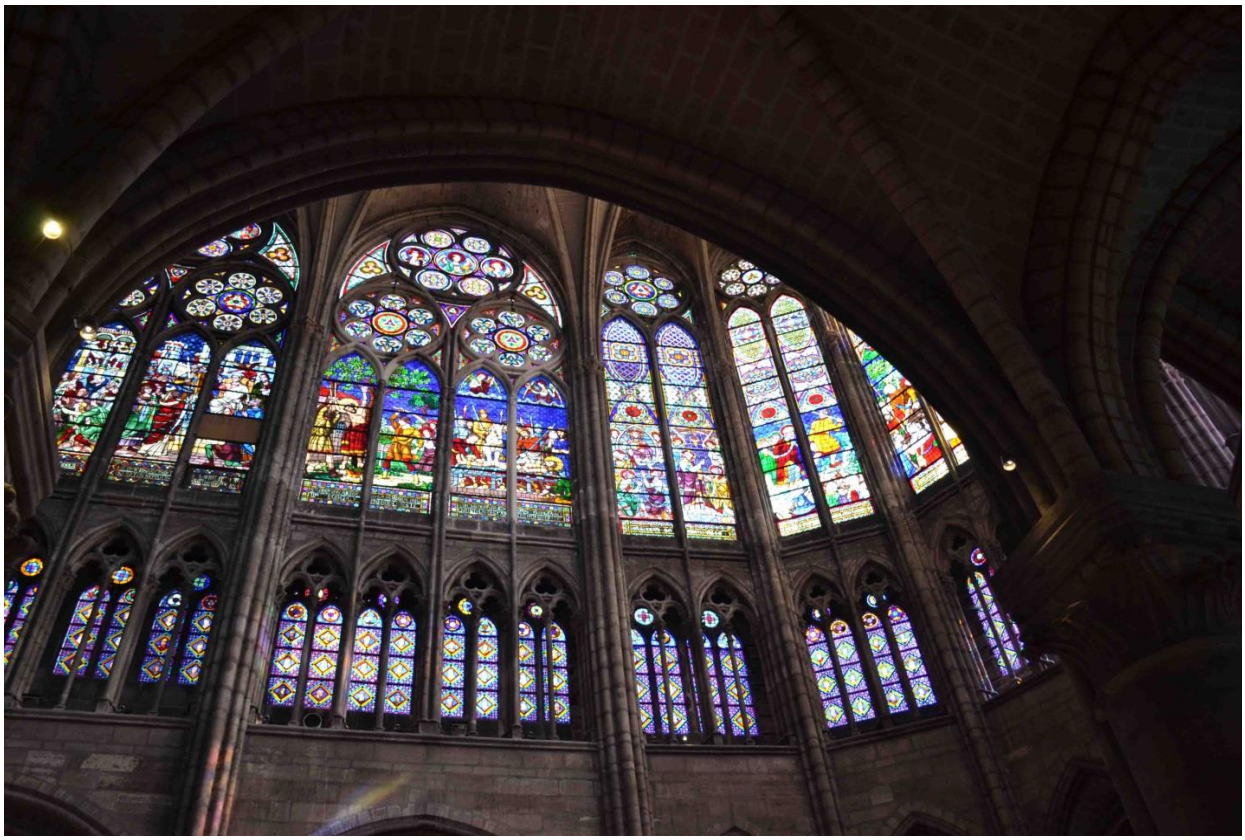








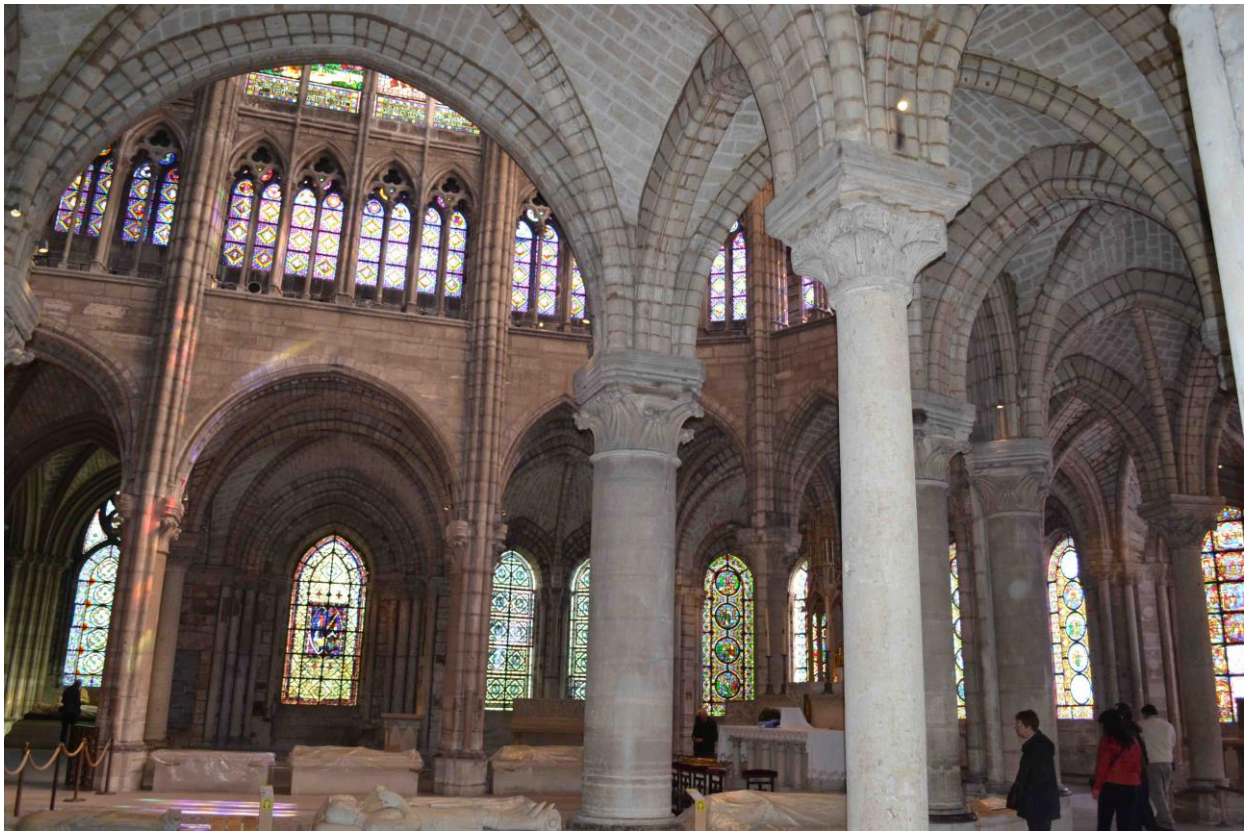
Обратите внимание, как непрерывно тянутся вдоль опорных столбов пучки тонких колонок, которые вверху гибко и плавно переходят в ребра сводов:



Особенно красиво пространство трансепта:

Но больше всего в любом храме мне нравится угол центрального нефа и трансепта, где пространство раздваивается:

А вот и хор, который строился с 1140 по 1144 г. «…от его двойного колонного обхода расходятся венцом семь капелл, примыкающих непосредственно одна к другой». Вот одна из них:



«Крестовым реберным сводам соответствуют стрельчатые окна. …Благородная, упругая и гибкая архитектура этого хора, украшенного антикизирующими отдельными формами, к которым в капителях присоединяется мотив лиственной почки, выражает собой поворотный пункт в истории зодчества»:

Признаться, хор несколько разочаровал: опора сводов не на пучковые столбы, как в нефах, а на колонны с капителями (эти самые «антикизирующие формы») выглядит неестественно и архаично. Особенно не оправдано наличие более тонких колонн, непонятно, как справляющихся с нагрузкой сводов; впрочем, возможно, они появились позже взамен утраченных, т.к. в хоре церкви Сен-Жермен-де-Пре, пристроенном, как и многие другие хоры к древним базиликам по образцу сюжеровского хора, ничего подобного нет.

Через южный портал трансепта, лишенный крупной пластики, можно выйти во двор, где в пристройке находится своеобразный музей базилики; основное пространство небольшого зала здесь занимает объемная модель всех построек аббатства, ныне исчезнувших. Здесь экскурсоводы, и рассказывают его историю, в том числе и русскоязычным группам.

Но, все же, главной достопримечательностью собора является то, что он долго служил местом захоронения французских королей. Идея превратить собор аббатства в королевскую усыпальницу принадлежит Людовику IX Святому *(судя по историческим источникам – скорее Святоша, чем Святой)*, который велел перезахоронить здесь прах всех своих предшественников, покоившийся до этого в разных церквях. С тех пор и до 1830 г. всех королей, королев и многих принцев хоронили именно здесь, естественно, украшая надгробия великолепной пластикой. Во время Французской революции все могилы были вскрыты, останки всех королей свалены в одну кучу во рву, статуи были сильно повреждены, иные вывезены. Впоследствии их вернул на место и отреставрировал, насколько это было возможно, Виоле-ле-Дюк, а все останки, которые не удалось идентифицировать, поместили в оссесуарий под церковной криптой. *Если еще вспомнить варварство, учиненное над собором Нотр-Дам, то более или менее ясны исторические корни «идеологического варварства», имевшего место у нас в России. Впрочем, всякие гадости замечательно получаются и без всяких исторических примеров – это, вообще, выходит легче и естественнее всего. Но, учитывая начитанность вождей русской революции, преемственность напрашивается сама собой.*

Итак, теперь собор является настоящим музеем, демонстрирующим развитие скульптуры с XII по XIX вв. «Статуи в стиле готики и ренессанса … - прекраснейшие шедевры той эпохи». *Вообще-то, все это изрядно смахивает на зал большого анатомического театра или морг городского масштаба – столы и трупы, трупы, трупы… Некоторые, впрочем, занятные.*

Разумеется, я отнюдь не собираюсь излагать здесь историю искусств, поделюсь только своими наблюдениями.

Что-то я не припомню, чтобы в Древнем мире надгробия украшались портретами покойников. Обычно более или менее пышно украшали только саркофаг, вырезая на его стенках и крышке сцены из жизни усопшего. Наиболее богатые надгробия содержали также аллегорические фигуры. Изображения усопших, причем именно на смертном одре – уже христианская традиция. Буквально все церкви с погребальными капеллами, которые мы видели, битком набиты изваяниями покойников в гробах. Иногда их даже одевают в натуральные одежды, так что создается впечатление присутствия на похоронах. В Сен-Дени «Надгробная скульптура начинается великолепным рядом 16 статуй, поставленных Людовиком Святым в склепе церкви аббатства Сен-Дени (в 1264 г.) и изображающих французских королей и принцев, предков государя. Все статуи имеют один и тот же идеальный тип лица, свойственный высокой готике, отличаются одинаковой свободой трактовки волос и складок одежды…».

Разумеется, ни о каком портретном сходстве не могло быть и речи – заказывались скульптуры древнейших королей и королев оптом, да и посмотрите только на имена и даты, от которых бросает в трепет, какое уж тут может быть сходство:

«В последней четверти XIII в. и в течение XIV столетия к этому ряду памятников прибавляется много новых», а также растет «индивидуальность и натурализм» в выполнении фигур. Вы только посмотрите на их руки!

В этот период авторами фигур были, по всей вероятности, мастера из южной франкоязычной области Нидерландов. Наконец, в 1307 г. появляется «первая французская статуя короля, наделенная индивидуальными чертами, хотя и выполненная еще просто и стильно, работа Жана из Арраса», - памятник Филиппу III Смелому, сыну Людовика Святого, умершему в 1285 г.

А мне бросилось в глаза лицо вот этого рыцаря – оно настолько характерно, что могло появиться только при ваянии с натуры:

Все эти фигуры, среди которых попадаются первоклассные одухотворенные произведения, выполнены, по выражению, К. Вермана, «стильно и просто»:

Имена авторов, помимо Жана из Арраса, Жан Пепин из Гюи, его ученик Робер Луазель, Андре Боневё из Геннегау, Иоганн Люттихский, любимый скульптор Карл Мудрого. Постепенно, однако, реализм вытесняет лаконизм стиля. Погребальные одежды, почти одинаковые у всех королей и королев, заменяют искусно вырезанные роскошные мантии, носимые при жизни:

Руки также изваяны с необыкновенной индивидуальной точностью, причем так, как если бы это были руки живых людей.

А дальше… наступает эпоха Возрождения, а с ней и новая идеология, касающаяся двух аспектов. Теперь покойников стало принято изображать максимально реалистично и вдобавок отдать им должные их рангу почести. И началось!

Покойников кладут на пьедестал, похожий на вазу с фруктами, стоящий на крыше античного портика, украшенного множество фигур ученых мужей вперемешку с дикарями, каждая из которых, несмотря на некоторую диспропорцию (ноги у всех коротковаты), – произведение высокого ренессанса:

Эти фигуры лежат уже на натурально изваянных парадных подушках и сопровождаются домашними зверюшками (раньше львов или собачек иногда изображали в ногах):

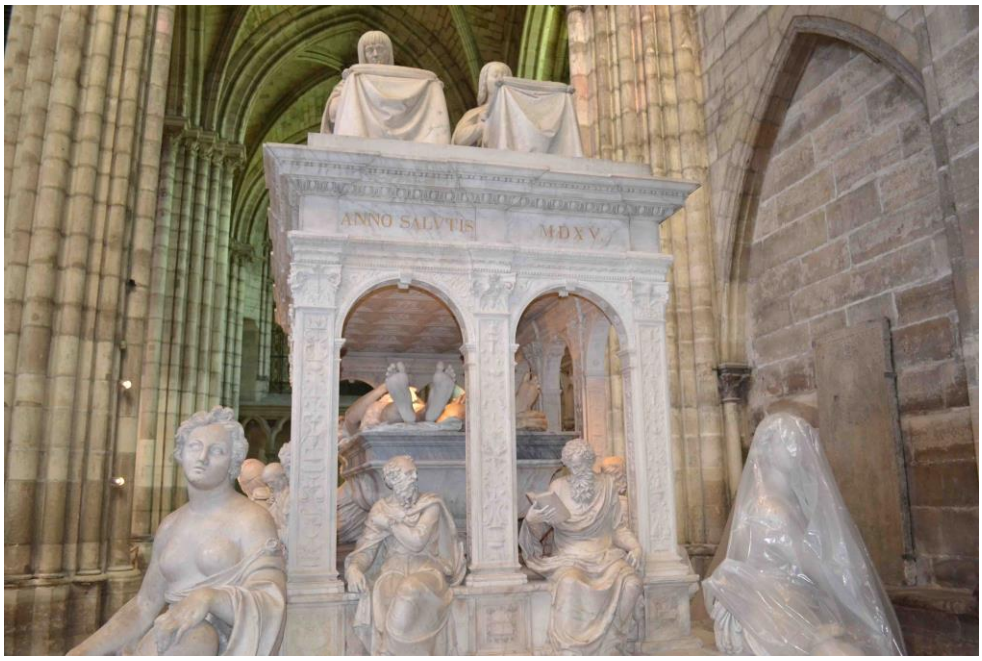
А в эпоху высокого ренессанса натурализм достиг апогея: покойников стали изображать уже не на смертном одре, а на секционном столе – то бишь обнаженными, за исключением легкой драпировки на чреслах (два первых фото – Генрих II, два последних – Франциск I и его супруга):

Особенно пикантно выглядят босые ноги с натурально оттопыренными пальцами, торчащие из склепа:

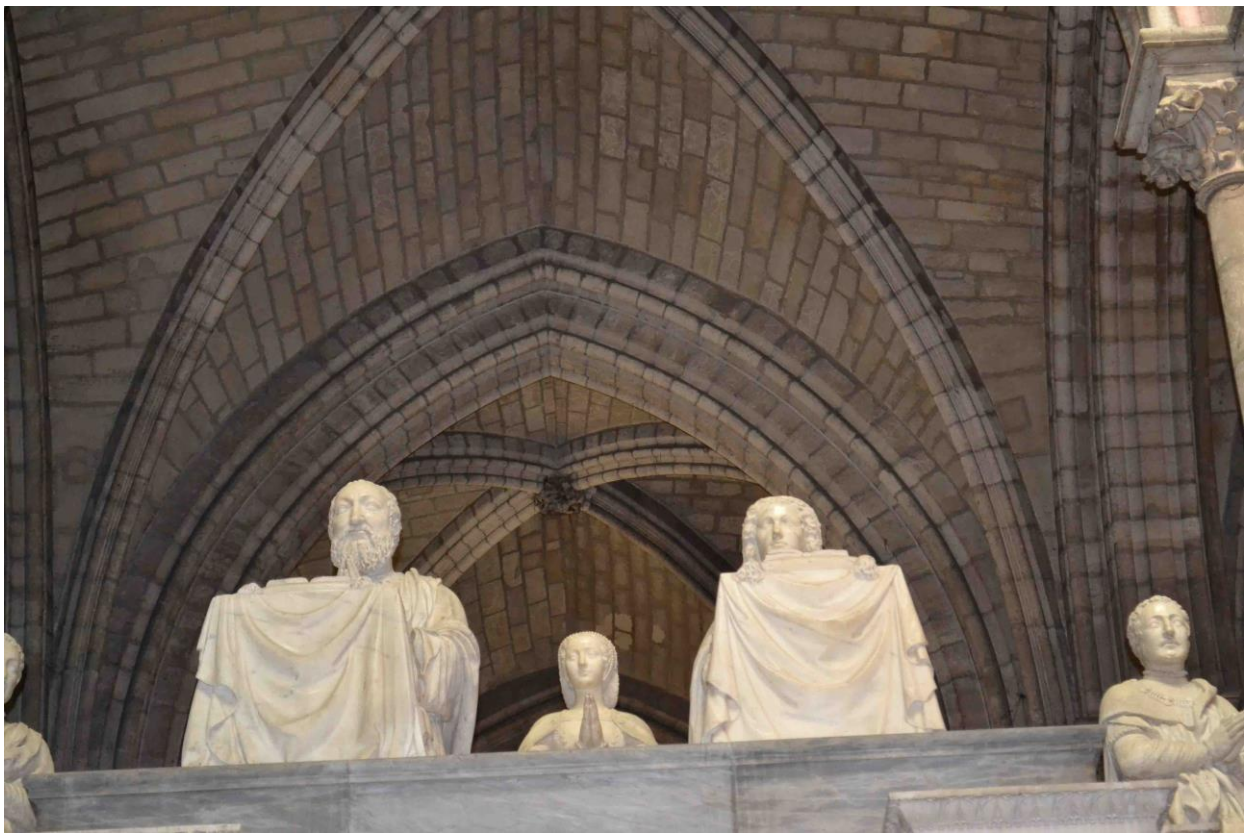
Лично мне такое натуралистическое изображение покойников, тем более – королевских особ, оставленное на память потомкам, кажется диковатым. Да, Возрождение

сняло табу на изображение обнаженной натуры, но если Древние пользовались этим для любования красотой человеческого тела, то нынешние – для облегчения работы судмедэксперта.

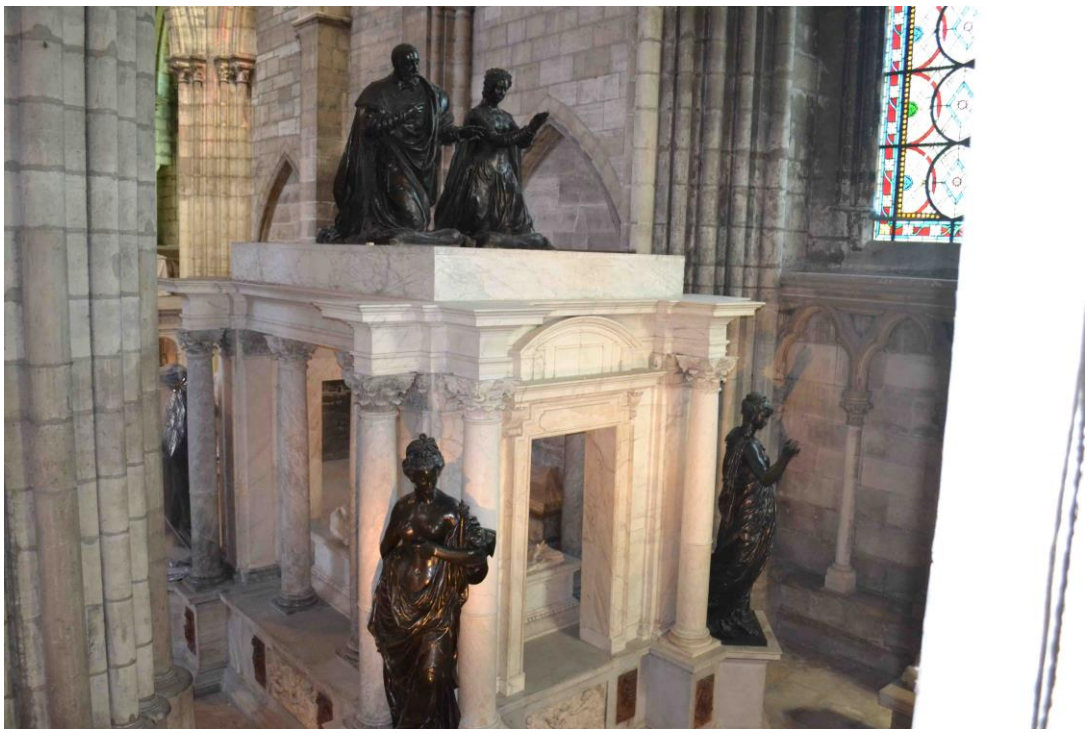
Правда, эти трупы не совсем уж выставлены на всеобщее обозрение, а находятся внутри своеобразных склепов без стен, на крыше которых те же самые покойники изображены живыми в молитвенной позе. Таких захоронений, многократно описанных и воспетых, тут три, и они как будто соревнуются в богатстве и изысканности убранства, числе сопровождающих аллегорических фигур и святых, отдающих почести усопшим. В хронологическом порядке: памятник Людовику XII с супругой, выполненный тремя братьями Джусти из Флоренции (1516 - 1532), с пилястрами, покрытыми арабесками в духе рафаэлевского барокко,

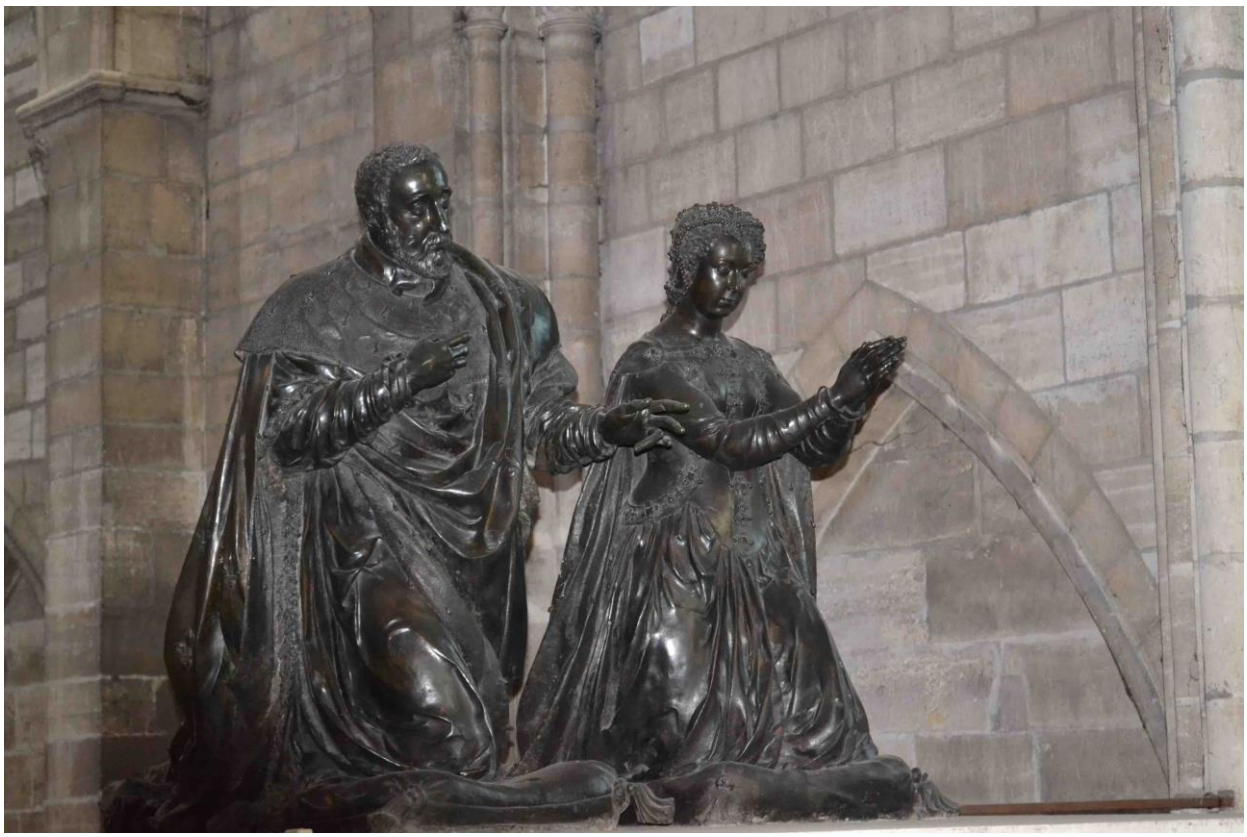


Огромный памятник Франциску I, корпус которого, выполненный в строгом классицистическом стиле, принадлежит главному архитектору Генриха II Филиберу Делорму, а сцены битв в рельефах цоколя являются вершиной творчества Пьера Бонтана (кто изваял остальных участников, - точно неизвестно):



И памятник Генриху II и Екатерине Медичи, в котором поразительно естественные изображения короля и королевы в живом и мертвом виде, а также маньеристские фигуры добродетелей по углам принадлежат Жермену Пилону, автору знаменитой композиции «Три грации» в Лувре (которые тоже, оказывается, имеют отношение к погребальным памятникам, т.к. первоначально несли на руках урну с сердцем Генриха II):





Впоследствии традиция изображать трупы исчезла. Видимо, в XVIII в. заказчики, наконец, поняли, что не во всяком виде готовы предстать перед глазами потомков. Наоборот, появилась тенденция изображать усопших не только в живом, но и в наиболее привлекательном виде:

Предельно реалистичное изображение: королева не может сложить руки для молитвы, подобно супругу, т.к. ей приходится удерживать готовое соскользнуть платье:

Согласитесь, этот памятник выглядит куда более человечно!

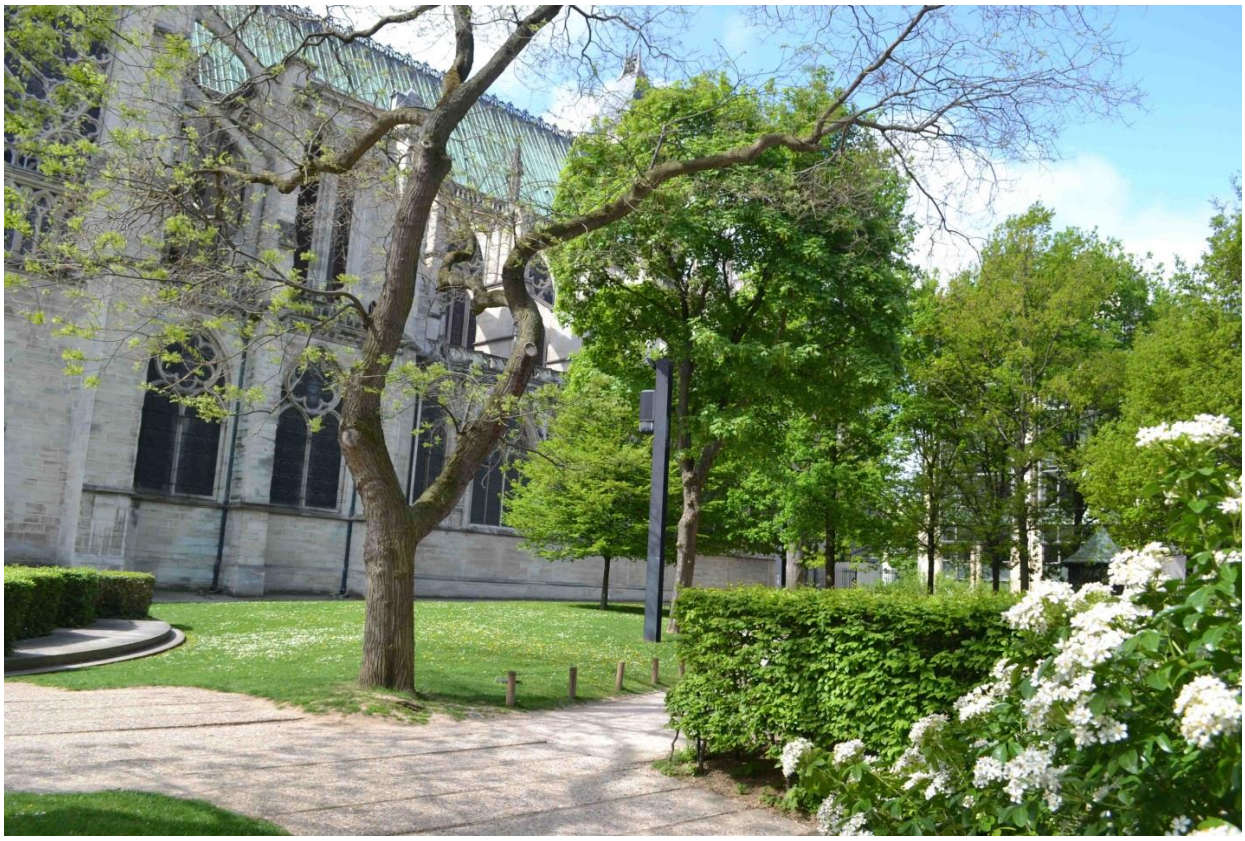
А внизу, в крипте почему-то, нашелся весьма скромный памятник Генриху IV, как нельзя лучше выражающий его Дон-Жуанский характер:

Сама крипта осталась с романских времен:

Здесь находятся те захоронения, которые удалось идентифицировать после переноса из общей могилы во рву, а также индивидуальные могилы, появившиеся после революции (в том числе и небезызвестная Мария-Антуанетта, которая посоветовала подданным, у которых нет хлеба, есть пирожные); все – без памятников:

А где-то в этой, самой древней, возможно, еще дороманской части крипты находятся мощи св. Дионисия и его соратников:

Из холодного подземелья мы выбрались на свет – в весенние ароматы:



Все было уже осмотрено, и мы устроились передохнуть и погреться с чашечкой кофе прямо напротив базилики. Она очень хороша в декоре из свежераспустившихся листочков парижской весны.

Потом нырнули в метро и поехали в Версаль.

Моя тайная цель – посещение главного футбольного стадиона Парк де Пренс опять, как в Милане, оказалась нереализованной. Вот трагедия – быть в семье единственным болельщиком! Вроде бы, не интересоваться архитектурой и историей для интеллигентного человека – неприлично, а вот ни хрена не смыслить в футболе - это естественно и даже украшает девушку… Хотя влияние футбола и архитектуры на нашу жизнь – несравнимы…